

Наш общий друг. Книга 2

Деньги, любовь или мнение общества?

Белла надеялась, что в семье Боффин ее ждет прекрасное будущее. Но оказалось, что опекуны заботятся лишь о своем богатстве, а не о счастье девушки. Мистер Боффин и в грош не ставит возлюбленного Беллы, бедного секретаря Джона Роксмита. Несмотря на это Джон решается сделать девушке предложение. Белла даже не подозревает, что он совсем не тот, за кого себя выдает...

Страсть затмила разум бедного учителя, беззаветно влюбленного в прекрасную Лиззи. Он знает, что за девушкой ухаживает другой, и готов на все, чтобы устранить соперника. Даже Лиззи не станет ему помехой...

Марльз Диккенс

Наш
общий
ДРУГ

Книга 2

Чарльз Диккенс

Наш общий друг

Книга 2

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

© Мельникова Л. В., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Н. Дарузес, наследники, перевод, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2019

ISBN 978-617-12-6906-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

Белла сподівалася, що в родині Боффін на неї чекає чудове майбутнє. Але виявилось, що опікуни дбають лише про свій статок, а не про щастя дівчини. Містер Боффін і шеляга не дасть за коханого Белли, бідного секретаря Джона Роксміта. Незважаючи на це Джон вирішує зробити дівчині пропозицію. Белла й гадки не має, що він зовсім не той, кого вдає...

Пристрасть затьмарила розум бідного вчителя, віддано закоханого в прекрасну Ліззі. Він знає, що за дівчиною упадає інший, і ладен на все, щоб усунути суперника. Навіть Ліззі не стане йому на заваді...

Диккенс Ч.

Д45 Наш общий друг. Книга 2 : роман / Чарльз Диккенс ; пер. с англ. Н. Волжиной, Н. Дарузес.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 608 с.

ISBN 978-617-12-6703-9

Белла надеялась, что в семье Боффин ее ждет прекрасное будущее. Но оказалось, что опекуны заботятся лишь о своем богатстве, а не о счастье девушки. Мистер Боффин и в грош не ставит возлюбленного Беллы, бедного секретаря Джона Роксмита. Несмотря на это Джон решается сделать девушке предложение. Белла даже не подозревает, что он совсем не тот, за кого себя выдает...

Страсть затмила разум бедного учителя, беззаветно влюбленного в прекрасную Лиззи. Он знает, что за девушкой ухаживает другой, и готов на все, чтобы устранить соперника. Даже Лиззи не станет ему помехой...

УДК 821.111

Перевод с английского *Натальи Волжиной, Нины Дарузес*

Дизайнер обложки *Оксана Волковская*

Часть третья

Долгая дорога

Глава I

Улица несостоятельных должников

В Лондоне был туманный день, и туман лежал густой и темный. Одушевленный Лондон, с красными глазами и воспаленными легкими, моргал, чихал и задыхался; неодушевленный Лондон являл собой черный от копоти призрак, который колебался в нерешимости, стать ли ему видимым или невидимым, и не становился ни тем, ни другим. Газовые рожки горели в лавках бледным, жалким светом, словно сознавая, что они ночные создания и не имеют права светить при солнце, а само солнце, в те редкие минуты, когда оно проглядывало тусклым пятном сквозь клубившийся туман, казалось угасшим, давно остывшим. Даже за городом стоял туманный день, но там туман был серый, а в Лондоне он был темно-желтый на окраине, бурый в черте города, еще дальше — темно-бурый, а в самом сердце Сити, которое зовется Сент-Мэри-Экс, — ржаво-черный. С любого пункта гряды холмов на севере можно было заметить, что самые высокие здания пытаются время от времени пробить головой море тумана и что особенно упорствует большой купол св. Павла; но ничего этого не было видно у их подножия, на улицах, где вся столица казалась сплошной массой тумана, полной глухого стука колес и таящей в себе грандиознейший насморк.

В девять часов такого утра контора фирмы «Пабси и Ко» была отнюдь не самым веселым местом в Сент-Мэри-Экс, — улице вообще не веселой, — когда газовый рожок жалобно всхлипывал в окне конторы, а воровская струйка тумана, намереваясь удушить его,

вползала через замочную скважину. Но газовый рожок погас, дверь открылась, и из нее вышел Райя с мешком под мышкой.

Выйдя из дверей, Райя почти в то же мгновение скрылся в тумане и пропал из глаз Сент-Мэри-Экс. Но глаза нашего повествования последуют за ним на запад, через Корнхилл, Чипсайд, Флит-стрит и Стрэнд, до Пикадилли и Олбени. Он шел туда важной и размеренной поступью, с посохом в руке, в одеянии до пят, и не одна голова, оглянувшись на его почтенную фигуру, уже затерявшуюся в тумане, решала, что это обыкновенный прохожий, которому воображение и туман придали мимолетное сходство с библейским патриархом.

Дойдя до дома, где на втором этаже помещалась квартира его хозяина, Райя поднялся по лестнице и остановился перед дверями очаровательного Фледжби. Не звоня в колокольчик, не взявшись за дверной молоток, он стукнул в дверь своим посохом и, прислушавшись, сел на пороге. Для его всегдашней покорности было характерно, что он сидел на темной и сырой лестнице, как, вероятно, многие из его предков сиживали в темницах, принимая все, что ни выпадало им на долю.

Через некоторое время, озябнув так, что ему пришлось дуть себе на пальцы, он встал и снова постучал посохом, снова прислушался и снова уселся ждать. Он повторял это трижды, прежде чем его настороженный слух уловил голос Фледжби, кричавшего с кровати:

— Эй, перестаньте стучать! Сейчас приду и открою дверь.

Но вместо того чтобы прийти сейчас же, он сладко задремал еще на четверть часика, и все это время Райя с невозмутимым терпением сидел и ждал на лестнице.

Наконец дверь распахнулась, и мистер Фледжби, мелькнув полами халата, снова нырнул в постель. Следуя за ним на почтительном расстоянии, Райя вошел в спальню, где огонь был давно разведен и пылал ярко.

— Что это ты? Который теперь, по-твоему, час ночи? — спросил Фледжби, отворачиваясь под одеялом к стене и показывая озябшему старику надежно укрытое плечо.

— Сейчас уже утро, сэр, половина одиннадцатого.

— Черт возьми! Так, значит, сильный туман?

— Очень сильный, сэр.

— Значит, сыро?

— Насквозь пронизывает, — сказал Райя, достав платок и вытирая мокрую бороду и длинные седые волосы; он стоял на самом краешке ковра перед камином, глядя на желанный огонь.

Фледжби с удовольствием нырнул поглубже и опять устроился поудобнее.

— На улице снег, лед, слякоть или что-нибудь в этом роде? — спросил Фледжби.

— Нет, сэ, нет. Не так уж плохо. Улицы совсем сухие.

— Нечего этим хвастаться, — возразил Фледжби, которому хотелось, но не удалось усилить контраст между теплой постелью и улицами. — Ну да ведь ты постоянно чем-нибудь да хвастаешься. Принес с собой книги?

— Они со мной, сэ.

— Ладно. Я еще минутку-другую подумаю насчет самого главного, а ты тем временем достань все из мешка и приготовься.

И еще раз нырнув под одеяло, Фледжби опять уснул. Старик, повинувшись его приказу, присел на краешек стула и, скрестив руки на груди, мало-помалу тоже задремал, разморенный теплом. Его разбудило появление мистера Фледжби в ногах кровати, уже в турецких туфлях, турецких шароварах розового цвета (добытых по дешевке у другого, кому они достались от третьего уже совсем даром) и в таком же халате и шапочке. В этом костюме ему для полноты картины недоставало только фонаря, пачки спичек и стула без сиденья.

— Ну, старик! — воскликнул Фледжби тоном легкой шутки. — Какую ты еще придумал хитрость, что сидишь закрыв глаза? Ты же не спишь. Лису врасплох не поймаешь, еврея тоже.

— Нет, правда, сэ, я, кажется, задремал, — ответил старик.

— Как бы не так! — возразил Фледжби с хитрым видом. — Других ты, может, и проведешь, но меня с толку не сбить. Ловкий ход, однако, если надо прикинуться равнодушным, чтоб нагреть кого-нибудь. Ох, и плут же ты!

Старик тихо покачал головой, отвергая обвинение, и, подавив вздох, подошел к столу, за которым мистер Фледжби наливал себе чашку горячего душистого кофе из кофейника, только что снятого с огня. Зрелище было поучительное: молодой человек, сидя в кресле, пил кофе, а старик стоял перед ним, склонив седую голову, и ждал, что он прикажет.

— Ну! — сказал Фледжби. — Давай сюда выручку да докажи с цифрами в руках, как это у тебя получается так мало. А прежде всего зажги свечку.

Райя повиновался, достал из-за пазухи кошелек и, указав по счету сумму, которую должен был принести, выложил деньги на стол. Фледжби пересчитал их очень внимательно, звякая каждым совереном.

— Полагаю, ты их не подтачивал, — сказал он, поднося одну монету к самым глазам, — вы, евреи, этим промышляете, дело известное. Небось отлично знаешь, как обрезают червонцы?

— Знаю, как и вы, сэр, — ответил старик, засовывая руки глубже в широкие рукава и почтительно глядя в глаза хозяину. — Разрешите мне сказать два слова?

— Можешь, — милостиво согласился Фледжби.

— Сэр, не смешиваете ли вы иногда — не намеренно, разумеется, — ту роль, в которой я честно зарабатываю хлеб у вас на службе, с той ролью, которую вам желательно, чтобы я играл?

— Не нахожу нужным разбираться в таких тонкостях, да и не стоит того, — хладнокровно отвечал очаровательный Фледжби.

— Даже ради справедливости?

— К черту справедливость! — сказал Фледжби.

— Даже из великодушия?

— Еврей и великодушие! — сказал Фледжби. — Что между ними общего! Тащи сюда расписки да не болтай всякой жидовской чепухи.

Расписки были представлены, и на целые полчаса все внимание мистера Фледжби сосредоточилось на них. Расписки и счета оказались верными, и все бумаги вернулись на старое место — в мешок.

— Дальше, — сказал Фледжби, — потолкуем насчет векселей: это дело мне больше всего по душе. Какие сомнительные векселя тебе предлагают и по какой цене? Ты захватил с собой список того, что имеется на рынке?

— Длинный список, сударь, — сказал Райя, доставая бумажник и выбирая среди его содержимого сложенный документ; в развернутом виде он оказался большим листом бумаги, исписанным мелким почерком.

— Фью! — присвистнул Фледжби, взяв его в руки. — Одни банкроты, в долговой тюрьме и места не хватит! Придется сбывать частями, как по-твоему?

— Частями, как здесь предлагают, или оптом, — ответил старик, заглядывая хозяину через плечо.

— Половину придется выбросить на помойку, вперед знаю, — сказал Фледжби. — Можешь ты их скупить по бросовой цене? Вот в чем вопрос.

Райя покачал головой, и Фледжби еще раз пробежал список. Вдруг его узенькие глазки загорелись, и в ту же минуту, оглянувшись через плечо на серьезное лицо старика, смотревшего на него сверху вниз, он встал и подошел к камину. Положив лист на каминную доску, словно на конторку, Фледжби, не торопясь, читал список, стоя к старику спиной и грея колени, и даже перечитывал некоторые строчки, по-видимому особенно интересные. Временами он поглядывал в зеркало над камином, не следит ли за ним старик. Насколько можно было заметить, Райя не только не следил, но, зная подозрительность своего хозяина, стоял, опустив глаза в землю.

Мистер Фледжби предавался этому приятному занятию, пока на площадке за дверью не послышались чьи-то шаги и дверь не рванула чья-то рука.

— Слушай, ты, Навуходоносор! Это твоих рук дело, — сказал Фледжби, — это ты не запер за собой дверь.

Но тут шаги послышались уже в квартире и голос мистера Альфреда Лэмла позвал громко:

— Вы где-нибудь здесь, Фледжби?

На что Фледжби, шепотом приказав Райе вступить в разговор, когда ему будет подан знак, ответил:

— Я здесь, — и отворил дверь спальни. — Войдите! — пригласил Фледжби. — Это джентльмен от Пабси и Ко, из Сент-Мэри-Экс, я хочу прийти с ним к соглашению насчет просроченных векселей одного моего приятеля. Но, право, Пабси и Ко так строго взыскивают с должников, их так трудно уговорить, что я, кажется, трачу время даром. Мистер Райя, неужели вы не сделаете уступки для моего приятеля?

— Я ведь только представитель, сударь, — отвечал еврей тихим голосом. — Я делаю то, что мне приказано моим доверителем. Ведь не я вкладываю капитал в дело. И прибыль с него не я получаю.

— Ха-ха! — засмеялся Фледжби. — Лэмл?

— Ха-ха! — засмеялся Лэмл. — Ну еще бы, конечно, мы знаем.

— Ловко, черт возьми! Правда, Лэмл? — сказал Фледжби, без меры потешаясь над непонятной Лэмлу шуткой.

— Все тот же, все тот же! — заметил Лэмл. — Мистер...

— Райя, от Пабси и Ко, Сент-Мэри-Экс, — вставил Фледжби, утирая выступившие на глазах слезы — до того его насмешила эта непонятная Лэмлу шуточка.

— Мистеру Райе приходится соблюдать формальности, принятые для таких случаев, — сказал Лэмл.

— Он только представитель! — воскликнул Фледжби. — Делает то, что ему велят! Не его капитал вложен в дело! Ох, вот это ловко! Ха-ха-ха! — Мистер Лэмл тоже засмеялся, сделав вид, будто понимает, в чем суть; но чем больше он усердствовал, тем смешнее казалась мистеру Фледжби непонятная Лэмлу шуточка.

— Однако, — сказал очаровательный Фледжби, опять вытирая слезы, — пора и перестать, а то может показаться, будто мы потешаемся над мистером Райей или над Пабси и Ко из Сент-Мэри-Экс, а у нас и в мыслях этого не было. Мистер Райя, если вы будете так любезны выйти на минуточку в соседнюю комнату, пока я поговорю с мистером Лэмлом, то я попробую с вами столкнуться еще раз, перед вашим уходом.

Старик, ни разу не поднявший глаз за все время, пока мистер Фледжби изощрял свое остроумие, молча поклонился и вышел в дверь, которую распахнул перед ним мистер Фледжби.

Закрыв дверь, Фледжби возвратился к Лэмлу, который стоял спиной к камину, забрав бакенбарды в одну руку, а другой откинув полы сюртука.

— Ого! — сказал Фледжби. — Что-то неладно!

— С чего вы это взяли? — спросил Лэмл.

— С того, что вы это показали, — ответил Фледжби нечаянно в рифму.

— Ну да, верно, — сказал Лэмл. — Есть кое-что неладное. Все дело разладилось.

— Быть того не может! — не сразу ответил Фледжби и, опустившись на стул и уперев руки в колени, воззрился на мрачное лицо приятеля, стоявшего спиной к камину.

— Говорю вам, Фледжби, — повторил Лэмл, описывая круг правой рукой, — все разладилось. Вся затея провалилась.

— Какая затея? — спросил Фледжби, все так же медленно, но гораздо строже.

— Та самая. Наша затея. Вот, прочтите.

Фледжби выхватил у него письмо и прочел его вслух:

Альфреду Лэмлу, эсквайру.

Сэр, позвольте мне вместе с миссис Подснеп выразить нашу общую благодарность за любезное внимание, оказанное миссис Лэмл и вами нашей дочери Джорджиане. Позвольте нам также отказаться от этого на будущее время и сообщить вам наше окончательное решение совершенно прекратить знакомство между обоими семействами. Имею честь, сэр, пребыть вашим покорнейшим и преданным слугою.

Джон Подснеп

Фледжби глядел на три чистые стороны письма так же долго и внимательно, как и на первую исписанную страничку, потом перевел взгляд на Лэмла, который опять ответил ему широким жестом правой руки.

— Чьих рук это дело? — спросил Фледжби.

— Не могу себе представить, — ответил Лэмл.

— Может быть, — сильно нахмурив лоб и подумав несколько времени, высказал предположение Фледжби, — кто-нибудь вас очернил?

— Или вас, — еще сильнее хмурясь, отвечал Лэмл.

Мистер Фледжби, казалось, был готов взбунтоваться, но нечаянно дотронулся до носа. Некое воспоминание, связанное с этой частью тела, вовремя предостерегло его, и он остановился в раздумье, ухватившись за нос большим и указательным пальцами. А Лэмл тем временем поглядывал на него исподтишка.

— Что ж, от разговора дело лучше не станет, — сказал Фледжби. — Если мы когда-нибудь разузнаем, кто это сделал, он от нас не уйдет. Больше и говорить нечего, кроме того разве, что вы затеяли дело, да обстоятельства вам помешали.

— А вы прокопались, упустили время и не сумели воспользоваться обстоятельствами, — огрызнулся Лэмл.

— Гм! На это можно смотреть по-разному, — заметил Фледжби, засунув руки в карманы турецких шаровар.

— Мистер Фледжби, — начал Лэмл угрожающим тоном, — должен ли я вас понять так, что вы хотите свалить вину на меня или вообще недовольны моим поведением в этом деле?

— Нет, — ответил Фледжби, — если вы захватили с собой мою расписку и теперь вернете ее мне.

Лэмл предъявил расписку очень неохотно. Фледжби просмотрел ее, проверил, смял и бросил в камин. Оба глядели, как бумага вспыхнула, сгорела и легким пеплом улетела в трубу.

— Ну-с, мистер Фледжби, — повторил Лэмл, — должен ли я понять вас так, что вы хотите свалить вину на меня или вообще недовольны моим поведением в этом деле?

— Нет, — сказал Фледжби.

— Окончательно и безоговорочно?

— Да.

— Фледжби, вот вам моя рука.

Мистер Фледжби пожал ему руку, сказав:

— А если мы когда-нибудь узнаем, кто это сделал, он от нас не уйдет. И позвольте сказать вам еще одно, просто по-дружески. Я ваших обстоятельств не знаю и ни о чем не спрашиваю. Вы на этом понесли убытки. Очень многие попадают в затруднительное положение, может случиться со всяким, и с вами тоже. Но что бы с вами ни случилось, Лэмл, прошу вас, ради бога, только не попадайте в руки Пабси и Ко, что в соседней комнате, — эти прижмут. Прижмут и кожу сдерут, уважаемый, — повторил Фледжби с особенным удовольствием, — спустят шкуру — дюйм за дюймом, начиная от загривка до самых пяток, да еще и в порошок растолкут. Вы видели, каков мистер Райя. Так вот, смотрите не попадите к нему в лапы, прошу вас как друг!

Мистер Лэмл, несколько встревоженный таким торжественным дружеским заклинанием, спросил, за каким чертом ему попадать в руки Пабси и Ко?

— Сказать по правде, мне не понравилось, как на вас посмотрел этот еврей, когда услышал ваше имя, — отвечал прямодушный Фледжби. — Глаз у него что-то нехорош. Но, может, это только пылкая фантазия друга. Конечно, если вы уверены, что ни у кого нет ваших

векселей, по которым вы так сразу не сможете уплатить, и они не попали к нему в руки, значит, это моя фантазия. А все-таки не понравился мне его взгляд.

Мрачный Лэмл выглядел так, словно какой-то бесенок-мучитель щипал его за нос, на котором то проступали, то исчезали белые пятна. Фледжби выглядел именно так, как должен был выглядеть щиплющий мучитель, и наблюдал за Лэмлом с гримасой на хитром лице, выполнявшей обязанность улыбки.

— Мне нельзя его так долго задерживать, а не то он выместит это на моем несчастном приятеле. Как поживает ваша милая супруга, такая умница? Она знает, что мы с вами провалились? — спросил Фледжби.

— Я показывал ей письмо.

— Очень удивилась? — спросил Фледжби.

— По-моему, она удивилась бы гораздо больше, — отвечал Лэмл, — если б вы были понастойчивей.

— Ах так! Значит, она винит меня?

— Мистер Фледжби, я не позволю, чтоб мои слова перетолковывали!

— Не выходите из себя, Лэмл, — смиренно упрашивал Фледжби, — никакой причины нет. Я только задал вопрос. Значит, она меня не винит? Это будет другой вопрос.

— Нет, сэр.

— Отлично, — сказал Фледжби, понимая как нельзя лучше, что она обвинила именно его. — Передайте ей мое почтение. До свиданья!

Они пожали друг другу руки, и Лэмл вышел, погруженный в размышления. Фледжби проводил его в туман и, возвратясь к камину, стал лицом к огню, широко расставив ноги в розовых турецких шароварах и задумчиво согнув колени, словно собирался на них опуститься.

— У тебя такие бакенбарды, Лэмл, каких за деньги не купишь, и мне они не нравятся, — бормотал Фледжби, — ты чванишься своими манерами и своим разговором. Ты хотел потянуть меня за нос, и ты провалил мое дело, а твоя жена говорит, что я же и виноват. Я тебя свалю. Обязательно свалю, хоть у меня и нет бакенбард, — тут он потер места, на которых им полагалось расти, — и манеры дурные, и разговаривать я не умею!

Отведя таким образом свою благородную душу, он сдвинул ноги в турецких шароварах, выпрямил колени и кликнул Райю из соседней комнаты:

— Эй ты, сюда!

При виде старика, кротость которого вопиющим образом противоречила навязанной ему роли, мистер Фледжби до того развеселился, что воскликнул, смеясь:

— Ловко, ловко! Нет, ей-богу, до чего ловко!

— Ну, старик, — продолжал Фледжби, высмеявшись до конца, — ты купишь векселя, которые я отмечу карандашом — вот птичка, и вот, и вот, — и ставлю два пенса, что ты потом прижмешь этих христиан, как следует еврею. Теперь тебе еще понадобится чек, или ты совершь, что понадобится, хотя у тебя где-то там имеется капиталец, знать бы только где, но ведь ты скорей дашь себя поперчить, посолить и поджарить на сковородке, чем сознаешься, так что чек я тебе выпишу.

Он отпер ящик и достал из него ключ от другого ящика, в котором был ключ еще от одного ящика, в котором был ключ от еще одного ящика, где лежала чековая книжка, и после того, как он выписал чек и, повторив всю процедуру с ключами и ящиками в обратном порядке, убрал чековую книжку в сохранное место, он поманил к себе старика сложенным чеком, чтобы тот подошел и взял его.

— Старик, — сказал Фледжби, после того как еврей положил чек в бумажник и уже засовывал бумажник за пазуху, — с моими личными делами на сей раз покончено. А теперь одно слово насчет тех дел, которые меня не совсем касаются. Где она?

Не успев вытащить руку из-за пазухи, Райя вздрогнул и замер.

— Ого! — сказал Фледжби. — Не ждал? Куда же ты ее спрятал?

Не в силах скрыть, что его поймали врасплох, старик глядел на своего хозяина в смущении, которым тот очень потешался.

— Уж не в том ли она доме в Сент-Мэри-Экс, за который я вношу квартирную плату и налоги? — спросил Фледжби.

— Нет, сэр.

— Не в твоём ли она саду, на крыше этого дома, готовится к смерти, или как там это называется? — спросил Фледжби.

— Нет, сэр.

— Так где же она?

Райя опустил глаза в землю, словно размышляя, может ли он ответить, не нарушив обещания, потом молча поднял их на Фледжби, видимо решив, что не может.

— Ну, довольно! — сказал Фледжби. — Сейчас я настаивать не буду. Но я хочу это знать и узнаю, заметь себе. Что ты там затеял?

Старик в извинение развел руками и покачал головой, как бы не понимая, чего хочет хозяин, потом обратил на него немой, вопросительный взгляд.

— Волокитой ты никак не можешь быть, — сказал Фледжби. — Ведь ты же «дряхлость, какую сердцу видеть тяжело»[1], ну и так далее, — сам знаешь, если тебе известны хоть какие-нибудь христианские стишки. Ты ведь патриарх, из тебя песок сыплется, не влюблен же ты в эту Лиззи?

— О сэр! — протестующе воскликнул старик. — О, что вы, что вы, что вы!

— Так почему же ты не сознаешься, чего ради ты полез в эту кашу? — возразил Фледжби, едва заметно краснея.

— Сэр, я вам скажу правду. Но только (простите за такое условие) под самой строгой тайной, полагаясь на вашу честь.

— Туда же, честь! — воскликнул Фледжби, насмешливо кривя губы. — Какая там честь у евреев! Ну ладно. Валяй!

— Вы даете честное слово, сэр? — все настаивал Райя, почтительно, но твердо.

— Ну конечно. Честное благородное, — сказал Фледжби.

Старик, которому так и не предложили сесть, стоял, торжественно положив руку на спинку кресла. Молодой человек сидел в этом кресле, глядя в огонь с выражением настороженного любопытства, готовый подставить ему ножку и поймать врасплох.

— Валяй, — сказал Фледжби. — Выкладывай, какая у тебя была цель.

— Сэр, никакой цели у меня не было, кроме желания помочь беззащитной.

Чувства, вызванные этим невероятным признанием, мистер Фледжби мог выразить только удивительно долгим, насмешливым фырканьем.

— Как я познакомился с этой девицей и за что стал уважать и почитать ее, я уже говорил вам, когда вы видели ее в моем бедном

садике на крыше, — сказал еврей.

— Разве? — недоверчиво отозвался Фледжби. — Хотя, может, и говорил.

— Чем лучше я ее узнавал, тем больше меня заботила ее судьба. И вот наступил перелом в этой судьбе. Ей досаждал неблагоприятный брат-эгоист, досаждал неотвязный поклонник, расставлял сети другой, имевший над ней больше власти, досаждала слабость собственного сердца.

— Так она увлеклась одним из них?

— Сэр, это было вполне естественно: она почувствовала к нему склонность, потому что у него есть достоинства, и немалые. Но он ей не пара и жениться на ней не собирался. Опасности надвигались все ближе, тучи сгущались, и я, будучи, как вы уже говорили, слишком стар и немощен, чтобы меня заподозрили в иных чувствах, кроме отцовских, вмешался в это дело и посоветовал ей бежать. Я сказал: «Дочь моя, бывают опасные времена, когда всего нравственней и благородней решиться на бегство и когда самым героическим и отважным поступком становится бегство». Она ответила, что уже думала об этом, но не знает, куда бежать, без чьей-либо помощи, и что надеяться ей не на кого. Я доказал, что есть на кого, и помог ей. И она бежала.

— Что же ты с ней сделал? — спросил Фледжби, щупая скулу.

— Я отвез ее далеко отсюда, — сказал старик, широким плавным движением отводя руку в сторону, — далеко отсюда и поместил у наших людей, где ей пригодится ее мастерство и где она сможет работать без помех с чьей-либо стороны.

Глаза Фледжби оторвались от огня и подметили движения его рук, когда Райя сказал «далеко отсюда». Фледжби тут же попытался (очень удачно) повторить этот жест и сказал, мотнув головой:

— Поместил ее в этом направлении? Ах ты старый мошенник!

Держа одну руку на груди, а другую — на спинке кресла, Райя, не оправдываясь, ждал дальнейших вопросов. Но Фледжби отлично видел своими близкосидящими глазками, что по этому единственному пункту бесполезно его допрашивать.

— Лиззи, — сказал Фледжби, снова глядя на огонь, а потом подняв глаза. — Гм, Лиззи. Ты не сказал ее фамилии там, в саду на крыше. Ну а я буду более откровенен. Ее фамилия Хэксем.

Райя склонил голову в знак утверждения.

— Слушай-ка, ты, — сказал Фледжби. — Мне сдается, я кое-что знаю про этого более опасного соблазнителя, у которого над ней больше власти. Он имеет отношение к адвокатури?

— Кажется, это его профессия.

— Я так и думал. А фамилия похожа что Лайтвуд?

— Нет, сэръ, совсем не похоже.

— Ну, старый хрыч, говори уж и фамилию, — сказал Фледжби, глядя старику в глаза и подмигивая.

— Рэйберн.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул Фледжби. — Этот самый, вот оно как? Я думал на другого, а этот мне и во сне не снился. Не стану возражать, если ты оставишь любого из них, мошенник ты этакий, потому что оба они одинаково нос дерут. Ну, а таких нахалов, как этот, я пока что не встречал. Еще и бороду отрастил и чванится этим! Отлично, старик! Валяй дальше, желаю удачи!

Ободренный неожиданной похвалой, Райя спросил, не будет ли еще каких-нибудь приказаний.

— Нет, — сказал Фледжби, — можешь ползти, Иуда, да подумай-ка о тех приказаниях, которые уже получил.

Отпущенный с такими любезными словами, старик взял свою широкополую шляпу и посох и раскланялся с этим вельможей, скорее как высшее существо, милостиво благословляющее мистера Фледжби, чем как бедный приживала, которым помыкают.

Оставшись один, мистер Фледжби запер наружную дверь и вернулся к камину.

— Отлично сделано! — сказал очаровательный Фледжби самому себе. — Может, и не так скоро, да зато наверняка. — Это он повторил дважды и трижды, весьма самодовольно, опять раздвинув ноги в турецких шароварах и согнув колени.

— Меткий выстрел, вот что лестно думать, — продолжал он свой монолог. — И еврей убит наповал! А ведь когда я услышал эту историю у Лэмла, я ведь не сразу набросился на Райю. Ничего подобного: я его настиг постепенно.

В этом он был совершенно точен: у него не было привычки набрасываться, прыгать или подскакивать кверху, гонясь за чем бы то ни было в жизни, — он ко всему подползал.

— Я его настиг постепенно, — продолжал Фледжби, нащупывая бакенбарды. — Ваши Лэмли, или ваши Лайтвуды на моем месте непременно спросили бы его, не помог ли он этой девушке скрыться. Я гораздо ловчее берусь за дело. Сам спрятался в кусты, его выставил на солнце, прицелился и — сразу наповал. Ну, где там еврею равняться со мной, куда он против меня годится!

Его лицо опять искривила сухая гримаса вместо улыбки.

— А что касается христиан, — продолжал Фледжби, — глядите в оба, братья во Христе, — особенно те из вас, которые собираются объявить себя несостоятельными! Теперь на моей улице праздник; я куплю ваши векселя и покажу вам кое-что интересное. Иметь над вами власть так, чтобы вы этого не знали, хоть и считаете себя всезнайками, да, за это, пожалуй, стоит выложить денежки. А вдобавок я же вас и прижму, и прибыль получу — вот это будет на что-нибудь похоже!

После этой речи мистер Фледжби начал переодеваться из турецкого одеяния в христианское платье. Во время переодевания и утренних омовений и натирания лица последним и самым верным средством для произращения густых и блестящих волос на человеческой физиономии (из мудрецов он признавал только ростовщиков и шарлатанов) густой туман сомкнулся вокруг него и поглотил в черных как сажа объятиях. Если бы он его больше не выпустил, невелика была бы потеря для мира, — взамен нетрудно было бы подобрать другой экземпляр из наличного запаса.

Глава II

Почтенный друг в новом виде

Вечером того же туманного дня, когда желтая ставня «Пабси и Ко» была уже спущена после дневных трудов, еврей Райя опять вышел на улицу. Но на этот раз с ним не было мешка и шел он не по делам своего патрона. Перейдя Лондонский мост, он вернулся на правый берег Темзы по Вестминстерскому мосту и так, сквозь туман, прибrel к дверям кукольной швей.

Мисс Рен ждала его. Он увидел ее в окно, при свете едва тлеющего огня, — старательно присыпанного мокрой золой, чтобы угля хватило надолго и сгорело поменьше, пока ее нет дома, — она сидела в шляпе, дожидаясь его. Стук в окно вывел ее из задумчивости, и она пошла отворить ему дверь, опираясь при ходьбе на маленький костыль.

— Добрый вечер, крестная! — сказала мисс Дженни Рен.

Старик улыбнулся и подал ей руку, на которую она оперлась.

— Не зайдете ли погреться, крестная? — спросила Дженни.

— Если ты готова, то не зайду, милая моя Золушка.

— Отлично! — в восхищении вскричала мисс Рен. — Какой же вы умница! Если бы в этом заведении давали награды (а мы держим только выкройки), то вы получили бы большую серебряную медаль за то, что сразу меня поняли.

С этими словами мисс Рен вынула ключ из дверной скважины и положила его в карман, потом заботливо прихлопнула дверь и, пока оба они стояли на крыльце, попробовала, заперта ли она. Удостоверившись, что ее жилище остается в сохранности, она положила руку на локоть старика, а другой хотела было опереться на костыль. Но ключ был орудием таких гигантских размеров, что Райя предложил нести его.

— Нет, нет, нет! Я сама его понесу, — не согласилась мисс Рен. — Я ведь, знаете ли, ужасно кривобокая, а если положу ключ в карман, то

это поможет кораблю выпрямиться. Сказать вам по секрету, крестная, я нарочно сделала карман с той стороны, что повыше.

И они пустились в путь сквозь туман.

— Да, крестная, это с вашей стороны очень умно, что вы меня поняли, — продолжала мисс Рен с большим одобрением. — Но, знаете ли, вы очень похожи на фею-крестную из детских книжек с картинками. Вы так не похожи на других людей, и кажется, что вы только сию минуту превратились в старика для какой-то доброй цели. Ага! — воскликнула мисс Дженни, заглядывая в глаза старику. — Я узнаю вас, крестная, под этой бородой!

— Дженни, а хватает ли твоей фантазии на то, чтоб я превращал и другие предметы?

— Еще бы не хватило! Если б вы только взяли у меня костыль и стукнули по мостовой, — вот по этому грязному бульжнику, по которому я топаю, — то сейчас же появилась бы запряженная шестерней карета. Слушайте! Давайте поверим, что это правда!

— От всего сердца, — ответил добрый старик.

— И знаете, о чем я вас попрошу, крестная. Сделайте мне такую милость, дотроньтесь палочкой до моего ребенка, чтоб он переменялся к лучшему. О, мой сынок за последнее время стал таким скверным, гадким мальчишкой! Он меня с ума сведет. Вот уже десять дней палец о палец не ударил. Да он еще и бредил: ему чудилось, будто четыре медных человека в красной одежде хотели бросить его в огненную печь.

— Но ведь это опасно, Дженни?

— Опасно, крестная? Моего скверного мальчишки всегда надо опасаться так или иначе. Может, он в эту самую минуту, — и маленькое создание оглянулось через плечо на небо, — поджигает наш дом. Не знаю, право, кому нужны такие дети. И трести его нет никакого толку. Уж я его так трясла, что у самой голова кружилась... «Почему ты не чтишь мать твою, заповедь позабыл, скверный мальчишка?» Все время ему это твержу. А он только хнычет и таращит глаза.

— А что еще надо изменить, кроме него? — спросил Райя сочувственно-веселым голосом.

— Право, крестная, как бы мне не стать эгоисткой, а то ведь я, пожалуй, попрошу вас выпрямить мне спину и ноги. Вам это ничего не

стоит сделать при вашем могуществе, а для меня, бедной, очень много значит при моей болезни.

В ее словах не было ни раздражения, ни жалобы, но от этого они звучали не менее трогательно.

— А после того?

— Да, после того... Ну, это вы сами знаете, крестная. Мы с вами сядем в карету шестерней и поедем к Лиззи. Кстати, крестная, я вам хотела задать серьезный вопрос. Вы так умны, что умнее быть невозможно (ведь вас воспитывали феи), и потому можете мне сказать, что лучше — иметь и потерять что-нибудь дорогое или никогда его не иметь?

— Объясни, милая крестница.

— Теперь, без Лиззи, я чувствую себя гораздо более одинокой и беспомощной, чем раньше, когда я ее не знала. — При этих словах у нее навернулись слезы.

— Любимые спутники уходят из жизни почти у всех, дорогая моя, — сказал еврей, — так у меня ушла жена, и красавица дочь, и много обещавший сын — но счастье все-таки было.

— Да! — задумчиво ответила мисс Рен, несколько не убежденная его словами, и точно отрубилась это восклицание, вздернув кверху острый подбородок. — Так я скажу вам, крестная, с чего лучше начать. Вам бы лучше переменить «есть» на «было» и «было» на «есть», да так и оставить.

— Разве это тебе поможет? Разве ты и тогда не будешь все время страдать? — спросил старик с нежностью.

— Правда! — снова отрубилась мисс Рен. — Вы уже прибавили мне ума, крестная. Хотя для этого вам вовсе не требовалось быть всеильной волшебницей-крестной, — прибавила она, вздернув подбородок и скосив глаза.

Разговаривая, они перешли Вестминстерский мост, потом прошли по тем улицам, по которым недавно проходил Райя, и еще по другим, новым, так как, снова переправившись через Темзу по Лондонскому мосту, они спустились к реке и шли дальше берегом, где туман был еще гуще.

Но еще до этого, свернув в сторону, Дженни подвела своего почтенного друга к ярко освещенному окну игрушечной лавки и сказала:

— Поглядите-ка. Все это моя работа.

Перед ними был ослепительный полукруг кукол, в платьях всех цветов радуги, кукол, разряженных для представления ко двору, для бала, для выездов в коляске, для катания верхом, для прогулки, в уборе невесты или ее подружек, для всех радостных событий жизни.

— Мило, очень мило! — сказал старик, похлопав руками. — С большим вкусом сделано.

— Очень рада, что вам понравилось, — с гордостью ответила мисс Рен. — Всего смешней, крестная, это как я заставляю знатных дам примерять мои платья. Хотя эта самая трудная часть работы и была бы не легче, даже если бы спина у меня не болела и ноги слушались.

Старик смотрел на нее, видимо не понимая, о чем она говорит.

— Что вы, крестная, мне же приходится бегать по городу с утра до вечера. Если б я только сидела на скамеечке, кроила да шила, это была бы еще легкая работа. А вот примерка на знатных дам все силы у меня выматывает.

— То есть как это примерка? — спросил Райя.

— Ах, какая вы все-таки непонятливая, крестная! — возразила мисс Рен. — Слушайте. Бывают парадные приемы или большие гуляния в парке, или выставки, или праздники, ну там что хотите. Очень хорошо. Я протискиваюсь сквозь толпу и гляжу по сторонам. Когда я вижу знатную даму, которая годится для моего дела, то говорю себе: «Ты мне подходишь, моя милая!» Запоминаю все подробности, бегу домой, крою и сметываю на живую нитку. На другой день бегу опять на примерку, опять разглядываю свою знатную даму во всех подробностях. Иногда видно, что она думает: «Как эта девчонка на меня уставилась!»; иногда ей это нравится, иногда нет, но чаще бывает, что нравится. А я все время только и говорю себе: «Вот здесь надо немножко убавить, а вот тут совсем свести на нет», — верчу ею, как хочу, и заставляю примерять мое кукольное платье. Званые вечера мне трудней всего даются, потому что там только в дверях увидишь их как следует; ныряешь то под колеса, то между конскими копытами, того и жди, что переедут когда-нибудь. А все-таки тут-то я их и ловлю. Когда они входят в вестибюль, выпорхнув из кареты, и мимоходом замечают мою рожицу за спиной полицейского, под дождем, то, должно быть, думают, что я ими люблюсь и восхищаюсь от души, ведь им и в голову не придет, что они только и делают, что работают на моих кукол! Была

такая леди Белинда Уитроз. Как-то вечером я ее заставила поработать за двоих. Когда она вышла из кареты, я сказала: «Ты годишься, милая моя!» Побежала прямо домой, скроила и сметала на живую нитку. Потом прибежала обратно и стала ждать, спрятавшись за спиной у слуг, которые кличут карету. Да еще и погода-то была скверная. Наконец слышу: «Карету леди Белинды Уитроз!» Леди Белинда выходит. И она у меня примерила, да еще как старалась-то, пока села в карету. Вот она, леди Белинда, подвешена за талию, только для восковой куклы уж очень близко к газовому рожку, и носки вместе, а пятки врозь.

Они довольно долго тащились берегом реки, потом Райя спросил дорогу к трактиру под названием «Шесть Веселых Грузчиков». Следуя полученным указаниям и два или три раза потеряв дорогу, они каждый раз останавливались, раздумывали, потом снова пускались в путь наугад и в конце концов добрались до владений мисс Аби Поттерсон. Заглянув в стеклянную дверь, они увидели бар во всей его красе и самое мисс Аби, торжественно восседавшую на своем уютном троне с газетой в руках. К ней они и обратились весьма почтительно.

Подняв глаза от газеты и помолчав немного, с таким выражением лица, словно ей надо было дочитать фразу до точки, прежде чем браться за какое-нибудь другое дело, мисс Аби спросила довольно сурово:

— Ну-с, так что же вам угодно?

— Нельзя ли нам видеть мисс Поттерсон? — спросил старик, снимая шляпу.

— Отчего же нельзя, напротив, можно, и вы уже видите ее, — ответила хозяйка.

— Можно нам поговорить с вами, сударыня?

В это время мисс Аби заметила маленькую фигурку мисс Дженни Рен. Чтобы лучше ее рассмотреть, мисс Поттерсон отложила газету, встала и заглянула через прилавок. Костыль, казалось, просил для своей хозяйки разрешения войти и отдохнуть у огня, и потому мисс Аби отворила дверцу и сказала, словно отвечая костылю:

— Да-да, войдите и погрейтесь у огня.

— Меня зовут Райя, — начал старик, вежливо поклонившись, — я работаю в лондонском Сити. А это моя юная спутница...

— Погодите минутку, — прервала его мисс Рен. — Я дам этой леди мою карточку.

Она важно извлекла карточку из кармана, с трудом достав ее из-под огромного ключа, которым эта карточка была придавлена. Мисс Аби с явным изумлением взяла миниатюрный документ, на котором значилось следующее:

Мисс Дженни Рен
Кукольная швея
Обшивает кукол у них на дому

— Господи! — воскликнула мисс Поттерсон, широко раскрыв глаза. И выронила карточку.

— Сударыня, мы с моей юной спутницей позволили себе прийти по делу, — сказал Райя, — по делу Лиззи Хэксем.

Мисс Поттерсон в эту минуту наклонилась, развязывая ленты на шляпке кукольной швеи. Она оглянулась на него довольно сердито и сказала:

— Лиззи Хэксем держит себя уж очень гордо.

— Она держит себя так гордо потому, что дорожит вашим мнением, — ловко ввернул Райя, — и перед тем как уехать из Лондона...

— Куда же, скажите, ради бога? — спросила мисс Поттерсон, по-видимому думая, что Лиззи эмигрировала.

— В провинцию, — осторожно ответил старик, — и она заставила нас обещать, что мы разыщем вас и покажем вам бумагу, которую она нам именно для этого оставила. Я ее знакомый, но ничем не могу быть ей полезен, и познакомился с ней уже после того, как она отсюда переехала. Некоторое время она жила с моей юной спутницей, помогала ей и утешала ее как друг. В чем была большая нужда, сударыня, — прибавил он, понизив голос. — Поверьте мне, большая нужда.

— Могу этому поверить, — сказала мисс Аби, глядя смягчившимися глазами на маленькую швею.

— И если быть гордой — значит никогда не ожесточаться сердцем, никогда не раздражаться и никому не причинять боли, — вмешалась

мисс Дженни, вся покрасневшись, — то она горда. А если нет, то она не горда.

Ее твердое намерение решительно противоречить мисс Аби не только не обидело эту грозную особу, но даже вызвало у нее милостивую улыбку.

— Правильно делаешь, дитя мое, — сказала мисс Аби, — так и надо: заступаться за тех, кто к нам хорошо относится.

— Надо или нет, — неслышно пробормотала мисс Рен, вздернув кверху подбородок, — я все равно так буду делать, а ты, старушка, думай обо мне что хочешь.

— Вот бумага, сударыня, — сказал еврей, вручая мисс Поттерсон документ, составленный Роксмитом и подписанный Райдергудом. — Не прочтете ли вы его?

— Но прежде всего, дитя, — сказала мисс Аби, — приходилось тебе когда-нибудь пробовать пунш?

Мисс Рен покачала головой.

— Хочешь попробовать?

— Хочу, если это вкусно, — отвечала мисс Рен.

— Вот посмотришь. А если понравится, я тебе смешаю стаканчик с горячей водой. Поставь-ка ноги на решетку. Ночь такая холодная-холодная, туман так и липнет. — Когда мисс Аби помогала Дженни придвинуть стул к огню, шляпка, у которой она развязывала ленты, упала на пол.

— Боже, какие чудные волосы! — воскликнула мисс Аби. — И столько, что хватит на парики всем куклам в мире. Какое богатство!

— Это, по-вашему, богатство? — возразила мисс Рен. — Пф! А что вы теперь скажете?

С этими словами она развязала ленту, и золотой поток хлынул до самого пола, закрыв ее самое и стул, на котором она сидела. От восхищения мисс Аби как будто смутилась еще больше. Доставая бутылку с ромом из ниши, она кивком подозвала к себе еврея и спросила:

— Девочка или взрослая?

— Ребенок по годам, — был ответ, — взрослая женщина по перенесенным испытаниям и уверенности в себе.

«Вы говорите обо мне, добрые люди, — подумала мисс Дженни, сидя под своим золотым плащом и грея ноги. — Знаю я ваши фокусы и

повадки, хоть мне и не слышно, что вы говорите».

Пунш пришелся очень по вкусу мисс Дженни, когда она отведала его с ложечки, и достаточная порция смеси была приготовлена искусными руками Аби Поттерсон, причем и Райя угостился тоже. После этого вступления мисс Аби прочла документ, и каждый раз, как она поднимала брови при чтении, следившая за ней мисс Дженни выразительно и торжественно отпивала глоток пунша, в виде аккомпанеента.

— Насколько видно из письма, — сказала мисс Поттерсон, перечитав письмо несколько раз и подумав над ним, — оно доказывает только, что Райдергуд негодяй, а это не нуждалось в особых доказательствах. У меня есть свои сомнения насчет того, не он ли один совершил это дело, но теперь нечего и ждать, чтобы мои сомнения разъяснились. Да, верно, кажется, я обидела отца Лиззи, но ее самое я никогда не обижала: ведь даже когда дело обстояло всего хуже, я верила ей, вполне доверяла ей во всем и даже уговаривала ее поселиться у меня ради ее собственной безопасности. Мне очень жаль, что я была несправедлива к человеку, тем более что этого уже не изменишь. Передайте, пожалуйста, Лиззи мои слова; и не забудьте сказать, что если она захочет когда-нибудь прийти к «Грузчикам», то что бы там ни было в прошлом, она найдет у «Грузчиков» родной дом, найдет и друга. Она не со вчерашнего дня знает мисс Аби, это вы ей напомните; она знает, какими будут для нее и этот дом, и этот друг. Я бываю резка, стеснять себя не привыкла, это уж как придется, — заметила мисс Аби, — вот и все, что я хотела сказать; ну и довольно.

Но прежде, чем пунш был допит до дна, мисс Аби вспомнила, что ей захотелось оставить себе копию с документа.

— Письмо короткое, сударь, — сказала она Райе, — может быть, вы не откажетесь быстренько переписать его.

Старик послушно надел очки и, стоя перед маленькой конторкой в углу комнаты, где мисс Аби держала свои расписки и начатые бутылки (у «Грузчиков» не допускалось, чтобы клиенты сами записывали свои долги, так строго велось дело), переписал письмо круглым, четким почерком. Глядя на его дряхлую фигуру, склонившуюся над рукописью наподобие старых времен книжника, и на кукольную швею перед камином, окутанную золотистым плащом, мисс Аби думала, уж не приснились ли ей эти две странные фигуры за стойкой «Шести

Веселых Грузчиков», и ей казалось, что вот-вот она проснется и виденье исчезнет.

В виде опыта мисс Поттерсон дважды закрывала и открывала глаза, и каждый раз заставляла обе фигуры на месте, как вдруг, словно сквозь сон, ей послышался смутный шум в распивочной. Она вздрогнула, все трое переглянулись, и тут до них ясно донеслись громкие голоса и шарканье ног; потом послышалось, как второпях поднимают все окна, и тогда в дом ворвались крики и говор с реки. Еще минута, и Боб Глиддери с грохотом протопал по коридору, причем каждый отдельный гвоздь в его сапогах стучал так громко, будто все гвозди разом.

— Что случилось? — спросила мисс Аби.

— На кого-то наскочили в тумане, сударыня, — отвечал Боб. — Народу на реке уж очень много.

— Скажи, чтобы все чайники поставили на огонь, — крикнула мисс Аби. — Смотри, чтобы котел был полон. Достань ванну. Да повесьте одеяла к огню! Согрейте грелки. А вы, девушки, там, внизу, не теряйте головы да поворачивайтесь поживее!

Пока мисс Аби то отдавала эти приказания Бобу, схватив его за волосы и стучая об стенку головой, чтоб он был начеку и не терял присутствия духа, то осыпала кухню градом распоряжений, — завсегдатаи распивочной, толкая друг друга, бросились к пристани, и шум на берегу еще усилился.

— Пойдем посмотрим, — сказала мисс Аби своим гостям.

Все трое кинулись в опустевшую распивочную и оттуда вышли через стеклянную дверь на веранду над рекой.

— Там внизу кто-нибудь знает, что случилось? — спросила мисс Аби своим властным голосом.

— Это пароход, мисс Аби, — крикнула какая-то фигура, смутно маячившая в тумане.

— Всегда так бывает, что пароход, мисс Аби, — крикнул кто-то другой.

— Вон его огни, мисс Аби, видите, мигают вон там, — крикнул третий.

— Он пары выпускает, мисс Аби, оттого и туман гуще и шума больше, видите? — объяснил четвертый.

Лодки отчаливали, загорались факелы, люди с топотом бежали к самой воде. Один из них свалился в воду с громким всплеском, и его

благополучно извлекли под взрывы хохота. Требовали врача, требовали спасательный круг, крик переходил из уст в уста. Невозможно было разобрать, что происходит на реке, потому что каждая лодка, едва успев отчалить, пропадала в тумане. Ничего нельзя было понять, кроме того, что ненавистный пароход со всех сторон осыпали бранью. Он-де и убийца, который норовит прямо на виселицу; он и погубитель, которому один путь — на каторгу; капитана надо отдать под суд и приговорить к смертной казни; матросам только дай наехать на лодку, им это одно удовольствие; своими колесами он крушит лихтеры на Темзе; огнем из труб поджигает чужое добро; они все такие, от них людям только вред один, всегда так было, так оно и останется. Вся пелена тумана была пронизана бранью, звучащей одинаково хрипло у всех, хотя голоса были разные. В продолжение всего времени, пока пароход становился на якорь, в ожидании, чем кончится дело, его огни призрачно светились сквозь туман, слегка передвигаясь с места на место. Потом на нем зажгли фальшфейер[2], и пароход окружило огненное сияние, словно подожгли самый туман, и на этом пятне света двигались тени людей и лодок, и раздавались крики, уже в другом тоне, более отрывисто и взволнованно: «Раз! Еще раз! Продвиньтесь вперед! Так! Берегись! Стой на месте! Тащи его!» — и тому подобное. Наконец последние вспышки фальшфейера догорели и погасли, вокруг снова сгустилась тьма, колеса парохода застучали и его огни стали постепенно удаляться по направлению к морю.

Мисс Аби и двум ее гостям показалось, что таким образом прошло довольно много времени. Теперь все крики и говор так же стремительно хлынули к берегу под окнами дома, как раньше от берега; и только на первой причалившей лодке знали, что произошло.

— Если это Том Тутл, — провозгласила мисс Аби самым повелительным тоном, — пусть немедленно подойдет поближе к дому.

Том смиренно повиновался, сопровождаемый целой толпой.

— Что там такое? — спросила мисс Аби.

— Иностранный пароход, мисс, наехал на ялик.

— Сколько человек в ялике?

— Один, мисс Аби.

— Нашли его?

— Да. Он долго пробыл под водой, мисс, но тело все-таки выловили.

— Пускай несут его сюда. Ты, Боб Глиддери, запри входную дверь, стань возле нее и никому не отпирай, пока я тебе не скажу. Из полиции кто-нибудь есть?

— Здесь, мисс Аби, — ответил полицейский.

— После того как внесут тело, не подпускайте толпу к дому. Да помогите Бобу Глиддери, чтобы никто не прорвался в комнаты.

— Слушаю, мисс Аби.

Самодержавная хозяйка вошла в дом вместе с Райей и мисс Дженни и расположила эти силы направо и налево от себя за стойкой, словно за бруствером.

— Вы оба стойте тут и не отходите от меня, — сказала мисс Аби, — тогда вас не зашибут и вам все будет видно. А ты, Боб, стань у дверей.

Сей страж повиновался, ловко закатав до самых плеч и без того высоко подвернутые рукава.

Гул приближающихся голосов, шум приближающихся шагов. Шарканье и говор перед дверями. Короткая пауза. Два странно глухих стука или толчка в дверь, словно лежащий на спине утопленник ударил в нее подошвами неподвижных ног.

— Это носилки или ставень, на чем там они его несут, — сказала мисс Аби, прислушавшись опытным ухом. — Открой, Боб!

Дверь отворилась. Тяжелая поступь несущих тело людей. Остановка. Замешательство в дверях. Все наладилось. Дверь закрылась. Приглушенные возгласы разочарованных зевак, оставшихся на улице.

— Несите сюда! — распорядилась мисс Аби: ибо таково было ее могущество над всеми подданными, что даже носильщики ожидали ее дозволения. — На второй этаж!

Потолок был низкий и у входа и на лестнице, и потому носильщики, поставив было свою ношу на пол, снова взяли за нее так, чтобы пронести, не поднимая высоко. Лежащая фигура, двигаясь мимо, оказалась почти на уровне стойки.

Мисс Аби отшатнулась назад, увидев ее.

— Боже мой, — сказала она, обращаясь к своим гостям, — это тот самый человек! Ведь это он подписал заявление, которое мы только

что держали в руках. Это Райдергуд!

Глава III

Тот же почтенный друг в разных видах

Поистине это Райдергуда, и никого другого, или внешнюю оболочку Райдергуда, и ничью другую, вносят в спальню мисс Аби на втором этаже. Насколько гибок и изворотлив был Плут при жизни, настолько он окоченел теперь, и долго топчутся в дверях провожатые, и носилки по дороге наверх наклоняются то так, то этак, с опасностью даже, что тело соскользнет с них и грузно свалится за перила, прежде чем удастся доставить его наверх.

— Ступайте за доктором, — произносит мисс Аби. А потом: — Ступайте за его дочерью.

И по обоим этим адресам быстро отправляются посланные.

Человек, посланный за доктором, встречается его по дороге, в сопровождении полицейских. Доктор исследует намокшее тело и объявляет, без особой надежды, что стоит, пожалуй, попытаться вернуть его к жизни. Все известные средства пускаются в ход, все присутствующие принимают в этом участие, не жалея сил. Никому нет дела до этого человека: все они его чуждались, все питали к нему отвращение, все подозревали его, но искра жизни в нем странным образом отделилась от него самого, и в ней они глубоко заинтересованы, вероятно, потому, что это — жизнь, а все они еще живы и когда-нибудь должны умереть.

В ответ на вопрос доктора, как это случилось и кого надо считать виновником, Том Тутл выносит приговор: несчастный случай, и виноват в нем только сам потерпевший.

— Он на своем ялике высматривал, где плохо лежит, — говорит Том, — хоть и не след отзываться дурно о покойнике, но была у него такая повадка — подкрадываться и высматривать, — вот и попал прямо под нос парохода, его и разрезало пополам.

Мистер Тутл выражается образно, имея в виду ялик, а не человека, ибо человек лежит перед ними совершенно целый.

Капитан Джой, толстоносый завсегдагай трактира в глянцевиной шляпе, является приверженцем весьма почтенной старой школы и, втершись в комнату под предлогом, что он оказал важную услугу — принес шейный платок утопленника, спешит подать доктору мудрый совет: подвесить тело кверху пятками, по обычаю предков, «наподобие того, как вешают баранину в мясной лавке», поясняет капитан Джой, а потом прокатить на бочках — маневр, особенно благоприятствующий дыханию. Эти крупницы опыта предков приводят мисс Аби в такое негодование, что она сразу хватает капитана за воротник и, не говоря худого слова, изгоняет с места действия, на что он не осмеливается возражать.

После этого в помощь доктору и Тому остаются только три завсегдага: Боб Глемор, Уильям Уильямс и Джонатан (фамилия которого, если она имеется, неизвестна человечеству), чего вполне достаточно. Мисс Аби, заглянув в комнату спросить, не нужно ли чего, спускается в бар и там ожидает результатов вместе с кротким евреем и мисс Дженни Рен.

Если вы не отошли в вечность, мистер Райдергуд, любопытно было бы узнать, где вы сейчас скрываетесь. Эта неподвижная и мертвенная глыба, над которой мы трудимся так усердно и с таким неослабным терпением, не подает никаких признаков жизни. Если ты ушел навсегда, Плут, это очень страшно, и почти так же страшно, если ты вернешься к жизни. Нет, неизвестность и неразрешенная тайна вопроса, где ты находишься сейчас, больше страшит нас, чем самая смерть, и потому все окружающие боятся и глядеть на тебя, и отвести от тебя глаза, а те, кто сидит внизу, вздрагивают при малейшем скрипе половицы.

Погодите! Неужели это веко дрогнуло? Так спрашивает себя доктор, затаив дыхание и пристально вглядываясь.

Нет!

Кажется, шевельнулась эта ноздря?

Нет.

Искусственное дыхание остановилось, но не чувствует ли моя рука слабой дрожи у него в груди?

Нет.

Снова и снова нет. Нет. Тем не менее попытаемся снова еще и еще раз.

Смотрите! Признак жизни. Несомненный признак жизни. Едва тлеющая искра может и угаснуть и разгореться ярким пламенем, но посмотрите! Четыре здоровых молодца, заметив ее, проливают слезы. Сам Райдергуд ни на том, ни на этом свете не мог бы выжать из них слезу; но человеческой душе, борющейся между бытием и небытием, легко этого достигнуть.

Он возвращается к жизни. Он то с нами, то снова уходит куда-то далеко, то с новой силой начинает бороться за возврат к жизни. И все же, как и все мы, когда теряем сознание, как и все мы, когда пробуждаемся от сна, он неохотно возвращается к сознательному существованию и предпочел бы дремать, если бы мог.

Боб Глиддери приводит мисс Райдергуд, которой не было дома, когда за ней пришли, и которую с трудом разыскали. На голове у нее накинута шаль, и, с плачем сбросив эту шаль и сделав книксен мисс Аби, она первым делом подбирает волосы и закручивает их в пучок на затылке.

— Спасибо вам, мисс Аби, что вы приняли к себе отца.

— Должна тебе сказать, девушка, я не знала, кто это такой, — отвечает мисс Аби, — но если б я и знала, то, думаю, было бы то же самое.

Бедняжку Плезент вводят в спальню на втором этаже, дав ей для подкрепления глоток бренди. Если б ее призвали произнести надгробную речь над отцом, вряд ли она проявила бы много чувства, но она всегда питала к нему больше нежности, чем он к ней, и, увидев его распростертое бесчувственное тело, она спрашивает доктора, сжав руки и горько плача:

— Неужели нет надежды, сударь? Ах, бедный отец! Неужели он умер?

На что доктор, стоя на одном колене возле тела, озабоченный и настороженный, отвечает, не оглядываясь:

— Ну, девушка, если вы не возьмете себя в руки и не будете вести себя тихо, я вам не позволю остаться в комнате.

И Плезент послушно утирает глаза концом косы, которую снова приходится закручивать, и, подобрав ее, со страхом и интересом следит за всем происходящим. От природы сообразительная, она по-

женски быстро применяется к обстановке и может оказать кое-какую помощь. Догадываясь, что может понадобится доктору, она спокойно подает ему один предмет за другим, и в конце концов ей доверяют важное дело: поддерживать голову отца.

Для Плезент настолько непривычно видеть отца предметом сочувствия и интереса, видеть, как все вокруг не только согласны терпеть его общество в этом мире, но даже настойчиво и заботливо упрощают его остаться в нем, что она переживает нечто новое, до сих пор не испытанное. У нее возникает смутная мысль, что если такое положение дел продлится надолго, то, пожалуй, все изменится к лучшему. Так же туманно представляется ей, что утонуло только то, что было в нем дурного, и если он счастливо вернется обратно и займет прежнее место в пустой форме, лежащей на кровати, то и дух его изменится. С такими мыслями она целует холодные как камень губы, твердо веруя, что бесчувственная рука, которую она силится согреть, еще вернется к жизни и станет любящей рукой, если ей суждено ожить.

Заблуждение сладостное для Плезент Райдергуд! Но как же ей, бедняжке, устоять против него, если все ухаживают за ее отцом с такой необычайной заботой, так тревожатся, так следят за ним, проявляют такое радостное волнение, когда искра жизни разгорается в нем! И вот он начинает дышать естественно, шевелится, и доктор объявляет, что он здесь, с нами, что он вернулся из таинственного путешествия, остановившись на полдороге к невидимой цели.

Том Тутл, стоящий ближе всех к доктору в эту минуту, с горячностью хватается за руку. Боб Глемор, Уильям Уильямс и бесфамильный Джонатан — все они пожимают руки сначала друг другу, а потом доктору. Боб Глемор сморкается, и бесфамильный Джонатан тоже хотел бы последовать его примеру, но, не имея платка, должен искать другого выхода для своих чувств.

Плезент проливает слезы, радостные слезы, и ее приятное заблуждение достигает высшей точки.

В его глазах видно сознание. Он хочет о чем-то спросить. Он желает знать, где он. Скажите ему.

— Отец, твою лодку перевернуло на реке, а теперь ты в доме мисс Аби Поттерсон.

Он глядит на дочь, глядит вокруг, закрывает глаза и задремывает у нее на руке.

Недолговечное заблуждение начинает увядать. Грубое, злобное, тупое лицо всплывает на поверхность из речных глубин, а быть может, и из иных глубин. Чем больше он согревается, тем холоднее становятся доктор и его четыре помощника. Чем больше смягчаются его черты, возвращаясь к жизни, тем суровее и жестче становятся их сердца по отношению к Райдергуду.

— Теперь он выживет, — говорит доктор, моя руки и поглядывая на пациента все неодобрительнее.

— И лучше его были люди, да им не везло так, — рассуждает Том Тутл, мрачно качая головой.

— Надо надеяться, что теперь он будет жить по-другому, не так, как я думаю, — говорит Боб Глемор.

— И не так, как раньше жил, — прибавляет Уильям Уильямс.

— Да нет, где ему! — говорит бесфамильный Джонатан, завершая квартет.

Они разговаривают негромко, щадя его дочь, но она видит, что все они отступили и стоят кучкой в дальнем углу комнаты, сторонясь его. Подозревать их в сожалении о том, что он не умер, когда был на полпути к этому, было бы крайностью, однако они явно хотели бы, чтобы предметом их стараний был кто-нибудь лучше. Посылают весточку мисс Аби за стойку, и та является на место действия и глядит на Плута издали, шепотом беседуя с врачом. Искра жизни вызывала к себе глубокий интерес, пока дело оставалось нерешенным, но теперь, когда она разгорелась в мистере Райдергуде, по-видимому, все желают, чтобы обстоятельства позволили ей вспыхнуть в ком-нибудь другом, а не в этом господине.

— Как бы то ни было, — говорит мисс Аби Поттерсон, ободряя их, — вы исполнили свой долг, как полагается добрым и честным людям, а теперь идите-ка вниз да выпейте чего-нибудь за счет «Грузчиков».

Все идут вниз, оставив дочь ухаживать за отцом. В их отсутствие к нему является Боб Глиддери.

— Лицо у него что-то чудное, верно? — говорит Боб, осмотрев пациента.

Плезент слегка кивает головой.

— А очнется, так будет еще чудней, верно? — говорит Боб.

Дочь надеется, что не будет. Почему?

— Когда увидит, где он, понимаете? — объясняет Боб. — Потому что мисс Аби выставила его за дверь и не велела его больше пускать. А судьба, или как там она называется, опять его впустила. Ведь чудно, правда?

— По своей воле он бы сюда не пришел, — возражает бедняжка Плезент, сиюсь держаться с достоинством.

— Ну да, — отвечает Боб. — А если б и пришел, так его не пустили бы.

Мимолетное заблуждение теперь окончательно рассеялось. Так же ясно, как она видит на своих руках старого отца, который ничуть не исправился, видит она и то, что все будут избегать его, когда он придет в себя.

«Уведу его поскорей, — думает Плезент со вздохом, — дома ему лучше».

Скоро все возвращаются в комнату и ждут, чтобы Райдергуд пришел в себя и понял, как все они будут рады от него избавиться. Собирают какое-то платье, потому что его собственное насквозь промокло и в данную минуту весь его костюм состоит из одеяла.

Чувствуя себя все более и более неловко, словно общая неприязнь доходит до него даже сквозь сон и дает себя знать, пациент наконец широко открывает глаза и с помощью дочери садится в постели.

— Ну, Райдергуд, как вы себя чувствуете? — спрашивает доктор.

Он хрипло отвечает:

— Похвастаться нечем.

И действительно, он возвращается к жизни чрезвычайно угрюмым.

— Я не собираюсь читать вам наставления, но надеюсь, что такой счастливый исход повлияет на вас в лучшую сторону, — говорит доктор, значительно качая головой.

В ответ пациент недовольно бурчит что-то непонятное; однако дочь его могла бы перевести, если бы захотела, что «он не желает слушать попугайную болтовню».

После этого мистер Райдергуд спрашивает рубашку и, с помощью дочери, натягивает ее через голову, совершенно так, как сделал бы после драки.

— Ведь это пароход был? — спрашивает он у дочери.

— Да, отец.

— Буду с ним судиться, черт бы его взял! Он мне за это заплатит.

Сильно не в духе, он застегивает рубашку, раза два или три останавливаясь, чтобы осмотреть свои руки, словно желая проверить, какие повреждения он получил в кулачном бою. Потом сварливо требует остальное платье и медленно одевается, с видимым недоброжелательством к бывшему противнику и ко всем зрителям. Ему кажется, что нос у него разбит в кровь, и он несколько раз утирает его тыльной стороной руки, причем еще более усиливается сходство с кулачным бойцом.

— А где моя меховая шапка? — спрашивает он сердито, грубым голосом, натянув на себя одежду.

— В реке, — отвечает кто-то.

— Неужели не нашлось честного человека выловить ее? Все вы хороши, сколько вас ни есть.

Так говорит мистер Райдергуд, со злобой выхватывая из рук дочери одолженную кем-то шапку, и с ворчаньем натягивает ее на уши. Потом, поднявшись на слабые еще ноги, он опирается на ее плечо и рычит:

— Стой смирно, не можешь, что ли? Эй, да ты на ногах не держишься, а туда же! — и уходит с арены, где у него только что произошла небольшая схватка со Смертью.

Глава IV

Серебряная свадьба

Мистер и миссис Уилфер встречали годовщину своей свадьбы не в первый раз, как Лэмли, а уже в двадцать пятый, но они и до сих пор всегда праздновали этот день в семейном кругу. Не то чтобы из этого празднования выходило что-нибудь особенно приятное, не то чтобы семья бывала разочарована из-за того, что не сбывалась надежда особенно радостно встретить этот знаменательный день. Его отмечали духовно, постом, а не пирами, что давало миссис Уилфер возможность держаться с величавой мрачностью и показывало эту внушительную женщину в самом выгодном свете.

В день радостной годовщины эта благородная дама настраивалась так, что вся целиком состояла из героического долготерпения и героического всепрощения. Сквозь непроглядный мрак ее спокойствия просвечивали намеки на былые возможности сделать лучшую партию, херувим же представлялся извергом, которому Бог отдал в награду неизвестно за что такое сокровище, хотя многие, гораздо более достойные люди, тщетно стремились им завладеть. Эта позиция херувима по отношению к сокровищу установилась так твердо, что ко дню годовщины он всегда настраивался на покаянный лад. Возможно, что покаянное настроение доходило в нем даже до укоров самому себе: как это он посмел жениться на такой возвышенной личности?

Что касается детей от этого брака, то они знали по опыту, что торжественная годовщина ничего хорошего не сулит, и с самых юных лет мысленно выражали в этот день пожелание, чтобы или мама вышла за кого-нибудь другого, или многострадальный папа женился на ком-нибудь другом. После того как в доме остались только две младшие сестры, пытливый ум Беллы в первую же годовщину бесстрашно поднялся на головокружительную высоту вопроса, иронически обращенного к себе самой: что папа нашел в маме, чтобы разыграть такого дурачка и предложить ей руку и сердце?

Но вот наконец год снова выводит на сцену и этот торжественный день вслед за другими днями, и Белла приезжает в коляске Боффинов, чтобы почтить своим присутствием семейный праздник. В доме Уилферов было принято возлагать в этот день пару куриц на алтарь Гименя, и Белла заранее прислала записку, что привезет жертвоприношение сама.

Итак, соединенными усилиями лошадей, пары слуг, четырех колес и одной собачки цвета плум-пудинга и в таком же неудобном ошейнике, как у самого Георга IV, Беллу с ее курами подвозят к родительскому порогу. Их встречает сама миссис Уилфер, причем ее величавость, как в большинстве таких случаев, еще усугубляется загадочной и необыкновенно сильной зубной болью.

— Вечером мне не нужна будет коляска, — сказала Белла слуге, — я вернусь пешком.

Лакей миссис Боффин поднес руку к шляпе и, уже на выходе, встретил грозный взгляд миссис Уилфер, долженствовавший внушить наглецу, что ливрейные слуги в этом доме отнюдь не редкость, каковы бы ни были его лакейские мысли на этот счет.

— Ну, милая мама, как вы себя чувствуете? — спросила Белла.

— Я здорова, Белла, насколько можно этого ожидать, — отвечала миссис Уилфер.

— Боже мой, — сказала Белла, — что это вы говорите! Ведь я не вчера родилась.

— Вот-вот, сегодня она с утра такая, — вмешалась Лавви, выглядывая из-за плеча миссис Уилфер. — Тебе хорошо смеяться, Белла, но это так раздражает, что просто нельзя себе представить.

Миссис Уилфер, взгляд которой был до такой степени преисполнен величия, что никаких слов при этом уже не требовалось, повела дочерей на кухню, где полагалось готовить жертвоприношение.

— Мистер Роксмит, — произнесла она с видом покорности судьбе, — был очень любезен: он предоставил нам на сегодня свою гостиную. Поэтому, Белла, ты будешь принята в скромном жилище твоих родителей соответственно твоему теперешнему образу жизни: у нас будут и гостиная и столовая. Твой папа пригласил мистера Роксмита разделить с нами скромный ужин. Извинившись, что не может быть у нас, потому что приглашен в другое место, он предложил нам свою комнату.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ